

Вступление

Пасмурным октябрьским днем шел по Москве занятый человечек. Росту он был невеликого — как говорят в народе, метр с кепкой, — но вместо серенькой отечественной кепочки его приплюснутую голову увенчивал английский клетчатый блин размером с добрую сковороду. Во всем остальном человечек тоже смотрелся истинным британцем: коричневые замшевые туфли, укороченные широкие штаны plus fours с шерстяными гольфами, шотландский свитер под твидовым пальто и завязанный виндзорским узлом узкий галстук. Не вызывало сомнений, что человечек стремится походить на принца Уэльского Эдуарда, которому в те времена подражали все сыны Альбиона.

Возможно, в какую-нибудь Хай-стрит этот щеголь вписался бы гармонично, но в советской столице середины двадцатых годов властвовала совсем иная мода. Располагавшие достаточными средствами нэпманы рядились в полосатые штаны и соломенные канотье, цепляли вместо обычных галстуков цветастые бабочки — в об-

щем, отчаянно корчили из себя американских джазовых звезд. Что до суровых партийцев, то они предпочитали спартанский стиль: высокие черные сапоги, армейские брюки и кожаные куртки, вошедшие в обиход сразу после революции и за восемь лет не утратившие своей актуальности.

Так что фат в несоразмерном кепи смотрелся на московских улицах чистым попугаем, невесть как залетевшим в среднерусские края. Единственным имевшимся у него аксессуаром небританского производства был швейцарский хронометр «Галле» в платиновом корпусе, с позолоченными стрелками и белым эмалевым циферблатом. Хронометр крепился на цепочке, пристегнутой к внутреннему кармашку пальто, и то и дело извлекался хозяином на свет. Щеголь, очевидно, спешил. Презрев довольно холодную для конца октября погоду — ветреную, с температурой, близкой к нулю, — он держал пальтишко распахнутым, ибо запыхался и вопреки от быстрой ходьбы.

Какая же нелегкая занесла англичанина в вызывающе броском наряде на московскую окраину? И осознавал ли он возможные последствия своего нахождения здесь? Район Черкизово, по которому он так самоуверенно вышагивал, слыл в ту пору одним из наиболее криминальных. Днем еще было более-менее спокойно, но после семи часов вечера благовоспитанному гражданину не рекомендовалось выходить на улицу, где безраздельно господствовали преступные элементы.

Казалось бы, беспределщина первых послевоенных лет постепенно уходила в прошлое: давно погиб в перестрелке чекист-оборотень Ленька Пантелеев, нарвался на

пулю уголовник Яков Кошельков, ограбивший однажды самого Владимира Ильича Ленина, окончил свои дни у расстрельной стенки душегуб Мишка Культяпый... Но на смену легендарным, овеянными дворовой романтикой налетчикам пришли люди не менее опасные. В милицеских протоколах они именовались хулиганами, однако совершаемые ими поступки выдавали намерения куда более серьезные, чем мелкие стычки. Едва начинало темнеть, эти так называемые хулиганы выстраивались цепочками, перегораживая тротуары, и затевали игру в футбол дохлыми кошками. Омерзительный снаряд мог угодить в любого из прохожих, и ежели тот осмеливался выказать недовольство, дело заканчивалось избивением и отъемом личного имущества. Надо ли говорить, что мишени выбирались среди одетых побогаче? И нередко после таких случаев обобранные оставались лежать с колотыми ранами, иногда смертельными.

Да, тотальная кампания по изъятию оружия у населения приносила свои плоды. Хранившиеся на руках с Гражданской войны винтовки и наганы мало-помалу перекочевывали в госарсеналы, но это не касалось ножей, изготовление которых не представляло большого труда. Любой пацан при желании мог обзавестись — и обзаводился! — острой заточкой, а в умелых руках она была пострашней пистолета.

Пик бандитского разгула в Москве пришелся на двадцать второй год. Копируя всевозможные общественные организации, появлявшиеся тогда на каждом углу, те, кто не желал жить честно, создавали собственные неформальные объединения: «Союз хулиганов», «Общество советских лодырей» и даже «Центральный комитет

шпаны». Многочисленность и сплоченность являлись их главным козырем.

А что же наш франт? Он, похоже, не читал ни «Рабочую газету», ни «Правду», ни «Красную ниву», потому и вел себя безрассудно. Вот он миновал Большую Черкизовскую, свернул на Штатную Горку и пошел восточным берегом Архиерейского пруда, направляясь туда, где возвышался храм Ильи Пророка. Вновь извлек из кармашка свой хронометр, беспокойно взглянул на стрелки. Заозирался и сбился с шага, из чего явствовало, что он не уверен в правильности выбранного курса.

Штатная Горка в этот час была малолюдная. Щеголь увидел возле пруда мальчишку лет двенадцати, облаченного в рваньё, и поманил пальцем. Мальчишка ловил раков, но, заметив знак иностранца, с готовностью приблизился.

— Где есть Черкизовский кладбище? — спросил франт с сильным акцентом.

— Да вот же! — Мальчишка махнул замызганным рукавом в сторону сверкавшего в последних закатных лучах купола. — Где церковь, там и кладбище. Не знаешь разве? — И неожиданно прибавил: — Дяинька, отдай часики.

— What?¹ — не разобрал англичанин. — Чья-си-ки?

— Вот энти. — Наглый отрок ткнул обгрызенным ногтем в цепочку, выглядывавшую из-за отворота пальто.

— Crazy boy!² — пробормотал заморский гость возмущенно. — Пошьел вон!

¹ What (англ.) — что.

² Crazy boy (англ.) — сумасшедший мальчик.

Он сделал было шаг, но настырный малец вцепился в твидовый рукав, заблажил:

— Дяинька! Ну отдай часики! Пошто они тебе? Ты из буржуев, у тебя денег много, новые купишь...

Расфуфыренный денди повел рукою в сторону, чтобы освободиться от стервеца, но тот не выпускал.

— Вон пошел! — повторил иностранец, теряя терпение. — Я сдам тебя полис, будешь под арест!

Угроза не подействовала. Несмотря на то что рабочая милиция в Москве была создана сразу после Октябрьской революции, а год спустя для большей мобильности к пешим патрулям прибавились конные, нехватка кадров давала о себе знать. Между тем с переходом к новой экономической политике ситуация со снабжением в столице заметно улучшилась, и это привело к тому, что ее население, выкошенное недавними историческими катаклизмами, не только восстановилось, но и выросло на четверть по сравнению с довоенными показателями. Сил, чтобы уследить за двумя миллионами человек, разбросанными на огромной территории, у товарищей с Петровки, 38 пока не доставало. И ушлый оголец был об этом прекрасно осведомлен.

— Дяинька, не жмись! — зывал он, по-кошачьи дряпая плотный твид. — Отдай часики!

Иностранец совершил усилие и стряхнул-таки мальчишку с рукава. Однако тотчас, как из-под земли, вырос здоровенный детина цыганской наружности, в мясницком фартуке, заляпанном бурыми пятнами. Он схватил бритта за шкварник, как шелудивую собачонку, и загудел в ухо:

— Ты чего сироту забижаешь? По какому эдакому праву?

— Обижать — нет! — принялся оправдываться франт, с которого враз слетела вся спесь. — Где полис? Я дам показаний!

Но не угодно было судьбе свести пижонистого иноземца со стражами московского порядка. Вместо строгих служивых, облаченных в краповые шапки с черными козырьками, шаровары-галифе и бекеша из шинельного сукна цвета маренго, он узрел вокруг себя пяток личностей совсем другого склада и облика. Одетые в клеши, шапки-финки и куртки, схожие с матросскими бушлатами, они жевали мятые сигарки и держали руки в карманах.

— Что тут такое? — спросил один, выбритый, не в пример своим щетинистым соратникам, чуть не до синевы. — В чэсть чэго шум и гам?

«Е» он произносил без мягкости, как «э», отчего говор его походил отчасти на белорусский, отчасти на кавказский.

Иностранец, заикаясь, пустился в объяснения, но договорить ему не дали.

— Гони котлы! — прохрипел детина в фартуке. — И показывай, что там у тебя еще!

Он отпустил англичанина. Тот уже смекнул, что попался в нехитрую ловушку, зашарил по пальто, выкинул на мостовую пачку чуингама¹, зеркальце в черепаховой оправе, использованный трамвайный билет, носовой платок с вышитыми инициалами «NL» и, наконец, порт-

¹ От англ. — жевательная резинка.

моне, за которым сразу потянулось несколько рук. Последним из того же кармашка, где лежали часы, появился большой медный ключ — надо полагать, от гостиничного номера. Этот предмет англичанин не бросил, как предыдущие, а перехватил за кольцо с тяжелым брелоком в виде маски древнегреческого актера-трагика и выставил хвостовиком вперед.

— Жорж, у него шпалер! — взвизгнул подлый недоросль.

Направленный на бритого ключ изрыгнул пламя. Англичанин целил прямо в голову, но предупрежденный сообщником бандит сумел каким-то чудом извернуться, и пуля, вылетевшая из хвостовика, чиркнула его по щеке.

— Су-ука! — завопил он, зажав царاپину ладонью.

В ту же секунду под лопатку иностранца воткнулось нечто острое, с противным скрипом и чавканьем провало одежду и вошло глубоко в плоть, достав до сердца. С франта слетело клетчатое кепи, обнажилась коротко стриженная макушка. Он выпучил глаза, выронил ставший бесполезным ключ и грянулся лицом вниз на проезжую часть. Мясник в фартуке вытер окровавленный клинок о твидовое пальто, пинком перекатил англичанина на спину, сунул руку ему за пазуху и выдернул хронометр с обрывком цепочки.

— Тикаем! — заполошно выкрикнул коварный оборвыш и первым прыснул наутек.

Бритый по-хозяйски осмотрел трофеи, подобрал портмоне, зеркальце в черепаховой оправе. Остальное он не тронул и кивнул своим:

— Смываемся!

И башибузуков словно корова языком слизала.

Англичанин застонал, попытался подняться, но жизнь уже покидала его. Тускнеющий взор выхватил из шаткого марева двух священников в рясах, спешащих по дорожке, ведущей от церкви. Они что-то кричали на бегу, но иностранец перестал слышать, а вскоре погасло и зрение. Он провалился в немую темноту, откуда никому еще не удавалось выбраться.

Глава I,
повествующая о небывалом
для молодой Советской республики
событии и об угрозе,
которая над ним нависла

Цепь белых воинов продвигалась вперед. Центр обороны еще держался, но фланги трещали по швам. Коронованный предводитель отсиживался за двумя башнями, которые не столько защищали его, сколько стесняли движения. Попытка кавалерийской контратаки была пресечена на корню, а смелая вылазка черного офицера окончилась его бесславной гибелью. Близился закономерный исход.

Вадим Арсеньев сидел за столиком в жарко натопленной комнатенке Московского шахматного кружка и громил своего собрата по перу — репортера газеты «Известия» Антона Рачинского. Шел финальный тур первенства РСФСР среди работников социалистической прессы. Победа в этой партии выводила Вадима на третье место и обеспечивала присвоение первой категории.

Нельзя сказать, что он испытывал удовлетворение. Игрой Вадим занимался исключительно в свободное время, на любительском уровне, и отнюдь не рвался

в профессионалы. Местом его работы, где он числился в ведомостях, была редакция журнала «Шахматный листок». Основанное тремя годами ранее в Петрограде, это периодическое издание быстро набрало обороты и стало популярным в среде советских шахматистов. А их, согласно всезнающей статистике, насчитывалось более сорока тысяч — это только организованных, посещающих профильные клубы и занесенных в списки. Такой небывалый всплеск интереса к игре, которую, как известно, уважал сам вождь мирового пролетариата, позволил новообразованному журналу встать на рельсы, обзавестись корреспондентами в крупных городах и привлечь к сотрудничеству многих мастеров.

Вадим к мастерам себя не относил и в редакцию «Шахматного листка» попал случайно. Суть в том, что на самом деле он работал в Специальном отделе Главного политического управления — в том овеянном преданиями отделе, что курировался Глебом Бокием, зарекомендовавшим себя как пламенного борца с контрреволюцией и еще более пламенного приверженца различных оккультных практик. Именно под крылом этого яркого политического деятеля образовалась особая группа, начальником которой был поставлен ученый-мистик Александр Васильевич Барченко. Благодаря стараниям последнего производились поиски индивидуумов, обладающих уникальными способностями — физическими, ментальными, парапсихологическими. Барченко лично инспектировал их, сортировал и лучших из лучших оставлял при себе.

Предполагалось, что уникалы будут приносить пользу государству. Поначалу им поручали разгадывание особенно заковыристых шифровок, перехваченных у аген-

тов всевозможных разведок, точивших зубы на еще не окрепшую Страну Советов. Со временем диапазон деятельности Барченко и К^о расширился: группе стали перебрасывать дела, в которых ощущался привкус чего-то потустороннего, не поддающегося объяснению с традиционных материалистических позиций. Такие дела, по обыкновению, засекречивались, дабы не разжигать среди отсталых несознательных масс вредные суеверия. Барченко и его подчиненные, как специалисты штучные, умеющие противостоять тому, чего, по утверждению журнала «Антирелигиозник», не существовало в принципе, пользовались в ОГПУ авторитетом и высоко ценились. Так, Вадим, рядовой сотрудник, получал сто четырнадцать червонных рублей шестьдесят пять копеек, не считая гонораров за статьи и заметки в «Шахматном листке». И это притом что рабочий какого-нибудь сталелитейного завода довольствовался жалованьем рублей в шестьдесят — семьдесят, и даже служащие торговых предприятий и штатских госучреждений среднего звена зарабатывали меньше. А сто тысяч безработных, приехавших в Москву за лучшей долей, но так нигде и не пригодившихся, едва сводили концы с концами на смехотворное восемнадцатирублевое пособие.

Потому и грызла Вадима совесть. Не считал он себя таким полезным для страны, чтобы получать барский оклад. В конторе, зарезервированной за группой Барченко и помещавшейся в здании Главнауки, он появлялся редко, от силы раз в неделю. Да и к чему там околачиваться? Барченко сразу сказал, что праздных бездельников ему не нужно. На освобожденной, так сказать, основе трудились, по сути, только трое: сам начальник, его заместительница Баррикада Аполлинарьевна Верейская